

жит интерес, и бывает ментальность героическая, основанная на служении некой высшей идее. Отсюда два варианта социализма. Есть социализм торгашей и социализм героев. Если мы говорим об идейно-психологической мобилизации народа, то выбор между ними очевиден.

Левые идеологии как реальность

А.В. Шубин, доктор исторических наук

Существует ряд пониманий терминов «социализм» и «коммунизм». Во-первых, это взаимосвязанные левые идейные течения. Их необходимо характеризовать, опираясь на тексты генераторов идей именно этого направления. Во-вторых, это общественные отношения, в которых нет разделения на эксплуататоров и эксплуатируемых, господствующих и трудящиеся классы. Есть точка зрения, распространенная после того, как Сталин провозгласил наличие социалистического общества в СССР, что социализм — это советский строй. Увы, сторонникам этой концепции не удалось подтвердить, что в СССР были соблюдены указанные выше качественные параметры социализма, так что слово «социализм» (и тем более «коммунизм») мы не можем употреблять в значении «социальный строй, существовавший в СССР». В-третьих, есть «социализм» и «коммунизм» как феномены современного сознания, мифологические конструкции, которыми оперируют идеологи и публицисты начала XXI в. В первых двух смыслах «социализм» и «коммунизм» — это реальность либо будущая реальность (если считать социализм и коммунизм будущим человечества). В третьем значении реальностью являются не сами социализм и коммунизм, а мифологические конструкции, элементы современного общественного сознания, апеллирующие к этой важной для нашей страны и мира традиции.

Сергея Георгиевича Кара-Мурзу я ценю как публициста, который хорош тем, что он отражает современное состояние общественного сознания в его социал-патриотическом спектре. Мне было любопытно узнать, каким образом сейчас державное социал-патриотическое сознание тянется к народническому. То, что тянется, это прекрасно. А то, что современные писатели о социализме не читают самих социалистов (и не только Бернштейна и Каутского) — это печально.

Начнем с простого. Бернштейн не был ни лидером, ни ведущим идеологом Второго Интернационала, этот «трон» занимал Каутский. Нельзя характеризовать идеологию социал-демократии этого периода и тем более какие-то ее сущностные различия с Лениным на основе цитаты из Бернштейна, сказанной, кстати, по второстепенному для него вопросу.

А что же хочет Каутский? В своей работе «Пролетариат и общественный строй» он пишет об общих чертах будущего строя и общины (хотя не забывает и о различиях в масштабе обобществления, конечно), о том, что будущее общество «есть единое, гигантское промышленное предприятие», что «в социалистическом производстве от лениности или халатности отдельных рабочих страдает не капиталист, а их собственные сотоварищи, которым, благодаря такому их поведению, достается меньше продуктов и больше работы». Отсюда необходимость бороться с этой леностью. Как не вспомнить Ленина («Очередные задачи советской власти», 1918 г.): на повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей», рабочим следует помнить: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...», а иначе последует «беспощадное подавление». Но вообще-то «русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать

может “последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...” — т. е. потогонная система.

Здесь уже идеолог «русского» коммунизма говорит с немецкими и американскими интонациями. В его подходе к делу нет принципиальных отличий с Каутским и в данном случае — даже с Бернштейном (в приведенной С.Г. Карамурзой формулировке). Зато здесь у Ленина капитальное разногласие с идеологом русского общинного социализма В.М. Черновым, и он в ужасе пишет о марксистской модели на русской почве: «Это колоссальная машина, в которую история подает наличных людей, с их слабостями, навыками, страстями, мнениями, как человеческое “сырье”, подлежащее беспощадной переработке. Из нее они выйдут, удостоверенные “личной годностью”, каждый на свою особую жизненную полочку, штампованные, с явным клеймом фабричного производства. Они частью попадают в отдел по утилизации отходов; остаток подлежит беспощадному уничтожению».

Таких примеров можно привести десятки (см. мою книгу «Социализм: «золотой век теории», основанную на анализе текстов идеологов различных направлений социализма и коммунизма); эти тексты говорят прежде всего о том, что необходимо внимательно изучить работы идеологов того идейного течения, о котором собираешься делать доклад. И тогда не возникнет впечатления, что «Понятия, которыми обозначаются оба явления, расплывчаты и плохо определены, нередко перекрывают или заменяют друг друга». Такое может быть в обыденном сознании, в публицистике начала XXI в. Но сами идеологи этих течений прекрасно понимали, о чем идет речь. Их понимание терминов совсем не то, которое нам предлагает Сергей Георгиевич: «Социальный — значит *общественный* (от слова социум — общество). А коммунистический — значит *общинный* (от слова коммуна — община). Это — огромная разница».

Попробуем проверить, в этом ли «огромная разница». Известно одно идейное течение, которое очевидно основыв-

вается на понятии общины, — народничество, общинный социализм. Так вот, основные идеологи народников считали себя именно социалистами, а М.А. Бакунин специально подчеркнул, что он не коммунист, а коллективист, чем указал на главное противоречие в этой посткапиталистической традиции социализма — коммунизма. И различие это — даже не между социализмом и коммунизмом. Коммунизм многими из них воспринимался как частный случай социализма. Маркс против социализма как такового не выступал. Он выступал против конкретных социалистических концепций, и себя социалистом, именно по этой причине, предпочитал не называть. У Ленина социализм и коммунизм — это вообще синонимы.

Общинный социализм самим фактом своего существования опровергает все методологическое построение С.Г. Кара-Мурзы. Социализм может быть общинным. А вот коммунизм, как правило, не является общинным.

Соотношение этих двух понятий совсем иное. Во-первых, они не столь резко противопоставлены, ибо коммунисты тоже выступают за единое общество, социум, единую ассоциацию трудящихся. В этом отношении коммунизм как идейное течение входит в поток социализма. Тем не менее, корректно будет говорить о том, что это — пересекающиеся множества, ибо часть коммунистов отрицают свою принадлежность к социализму в целом. Будем уважать это их желание.

Понятие коммунизма у его ведущих идеологов Маркса и Кропоткина основано, конечно, не на общине (при всем уважении к ней того же Каутского и даже самого Маркса, выраженном в письме к Засулич) — вещи для них второстепенной. И даже не на Коммуне, которая рассматривается как политическая надстройка. Главное — это общность, общее (коммон), «положительное упразднение частной собственности», преодоление частности — все принадлежит всем.

Применительно к коммунизму я намерено упомянул не только Маркса, но и Кропоткина. Представители очень

разных стратегий могут исповедовать социально-экономический принцип коммунизма, общности. Но марксистов (и Каутского, и Ленина, и Сталина), с одной стороны, и таких мыслителей, как Прудон, Герцен, Бакунин, Лавров и Кропоткин — с другой стороны, разделяет нечто более важное, чем коммунизм. Марксизм предполагает социально-экономический централизм, общество, которое работает по единому плану (а где план, там и плановики, которым все должны подчиняться). Маркс писал: «Национальная централизация средств производства станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану». Как видим, мировая революция Маркса начинается как национальный проект. Но не в том дело (многие народники, из которых пытаются сделать ветвь славянофилов, были адептами мировой революции). Идея единой централизованной, работающей по единому плану ассоциации трудящихся противостоит совершенно иному идеалу социализма народников и анархистов: не одна ассоциация, как у Маркса, а сеть самоуправляющихся ассоциаций.

Вся история социализма и коммунизма — это история противоборства сторонников централизованного, а значит иерархического социализма или коммунизма, с одной стороны, и сторонников сетевого, горизонтального социализма, основанного на самоуправлении множества «социумов» (общин или коммун) — с другой стороны. Социалистическая мысль решила проблему объединения и координации усилий этих общин с помощью системы союза союзов (федерализма, делегирования), которая вела по существу к преодолению бюрократической государственности.

Общинный социализм устами Бакунина дал наиболее глубокую критику марксизма, прогноз Бакунина по поводу перспектив реализации проекта Маркса и его последователей поражает прежде всего тем, что перед нами — описание со-

циальной системы, которая действительно возникла в СССР: «По Марксу народ не только не должен его (государство — А.Ш.) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить, и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производства, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственное командование государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословье... С какой точки зрения не смотри на этот вопрос, все приходишь к одному печальному результату — управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

После этого уже нельзя говорить о том, что Маркс не имеет отношения к советскому проекту, к Сталину и Ленину. Конечно, жизнь во многом поправила Маркса, но в главном его последователи реализовывали именно марксистский проект — насколько это можно было делать на почве незападной культуры.

Так же не получается вывести сталинский режим из Герцена, Бакунина, Михайловского, Чернова, Лаврова. Их работы основаны на апологии личности, а не патриархальщины, на острейшей критике общины за ее недемократические черты. В большинстве своем они были антидержавники, анархисты и полуанархисты.

Община воспринимается ими как телега, на основе которой можно строить автомобиль, но только если его полностью переделать. В дискуссии с марксистами о том, как далеко зашел капитализм, народники указывали: мы не против индустриального прогресса, не против технологий, мы против частнособственнической формы. Суть разногласий народников и марксистов заключается в том, что они не поддерживали план общества-фабрики. В этом отношении Сталин как марксист сделал все, что мог.

Когда кто-то говорит о том, как товарищи Ленин и Сталин стали типичными народниками, и ссылается на Бакунина и Лаврова, он высказывает абсурдную вещь. Нужно просто вспомнить формулу Бакунина, соответствующую представлениям почти всех теоретиков народничества (разве что кроме маловлиятельного Ткачева, который, впрочем, тоже очень далек от модернизационной стратегии Ленина и Сталина): «Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, социализм без свободы — это рабство и скотство».

С учетом сказанного становится ясно, что Ленин (во всяком случае, до 1923 г.) не переходил на позиции народничества, а только тактически заимствовал некоторые лозунги эсеров — вроде передачи земли крестьянам (в надежде передать эту землю потом госхозам). Становится понятным, почему в Гражданской войне большевики оказались по другую сторону баррикад не только с меньшевиками (которые как раз в большинстве своем воздерживались от участия в вооруженной борьбе), как полагает С.Г. Кара-Мурза, и даже не столько с меньшевиками, сколько с крестьянской партией эсеров, сражавшейся против «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» с оружием в руках. Крестьяне оказались не меньшей угрозой для большевистской диктатуры, чем белое движение, а по численности участвующих в крестьянских восстаниях — даже большей угрозой.

Народники собирались строить совершенно не тот социализм, что Ленин. При этом Ленин собирался строить как

раз тот коммунизм, о котором писал Маркс, и не отказывался от идеи Маркса о необходимости вызревания предпосылок коммунизма через капитализм. В своей работе «Развитие капитализма в России» он показал, что эти предпосылки уже вполне вызревают, что процесс зашел далеко. Он, как и все социал-демократы, тоже желал, чтобы капитализм развивался в России до того момента, пока в мире не возникнут предпосылки для его глобального краха. Но как марксист Ленин мыслит глобально: он доказал себе, что глобальный крах капитализма произойдет уже скоро. И капитализм рухнет везде, а не только в наиболее развитых странах. Значит, все классы, которые встанут на сторону пролетариата в этой последней борьбе против капитала, будут прогрессивны. Это — вполне марксистский анализ. Ленин на пути к социализму надеялся не на внутренние ресурсы России, а на помощь мировой революции — это отражено в десятках его текстов — вплоть до 1922 г. Просто почитайте, и с Ленина слетит приписанный ему флер «цивилизационного разрыва» с Западом.

Не собирался Ленин (впрочем, как и народники) производить революцию, «предотвращающую разделение на классы». Они прекрасно видели, что это разделение уже состоялось. Все социалисты и коммунисты намерены не предотвращать, а ликвидировать это разделение. Но с точки зрения народников то, что предлагают марксисты (включая Ленина), воспроизводит разделение на классы. Так что, если что-то и нужно *предотвращать*, так это возникновение «нового класса», когда на место буржуазии приходит бюрократия или технократия. Против этого выступали народники, в этом они упрекали Маркса, это осуществили Ленин и Сталин, что предопределило отклонение советской модернизации от социалистическо-коммунистических целей и «перерождение» социалистического проекта в СССР.

Когда выяснилось, что расчет на мировую революцию оказался неверен, Ленин мучительно ищет возможность продолжить именно марксистский проект в одной стране.

Не сдаваться же на милость мировой буржуазии. Он выясняет для себя, что общество-фабрика, работающее по единому плану, может возникнуть сначала в России. Не отступая от марксистского метода, от конкретного поиска «предпосылок», он объяснял меньшевику Н. Суханову, что диктатура пролетариата сможет довести это дело до нужного уровня, осуществив задачи капиталистической модернизации и просвещения. Единственная уступка, которую Ленин сделал народникам — но не в 1905 г., когда разрабатывал программу поведения социал-демократии с буржуазной революции (вполне марксистский курс), а в 1923 г., когда осознал, что не будет мировой революции в ближайшие годы, — это кооперативная идея. Но для Ленина кооперативизация — это вспомогательное средство для движения к цели — обществу, развивающемуся по единому плану. Ленин в «Государстве и революции», когда его обвиняют в том, что он очень похож на анархиста, четко объясняет, что он марксист, потому что главное для марксиста — экономический централизм. И это действительно так.

По части радикализма Маркс и Ленин тоже были не так далеки друг от друга: Маркс в 1848–1850 гг. ждал в ближайшее время мировой революции — не только в развитой Англии, но и в «развивающейся» Германии, и в «недоразвитой» части мира. До конца жизни Маркс не переставал быть революционером, о чем я подробно, с опорой на его тексты, пишу в своей книге. Никогда Маркс не называл «казарменным коммунизмом» «искоренение безработицы (право на труд), доступ к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение)».

Более того, в 1850-е гг., и затем в письме к Засулич, Маркс думает о месте крестьянской периферии в мировой революции — как союзника, но подчиненного. Для Ленина крестьянство — тоже союзник, но если этот союзник перестает подчиняться, на него обрушивается вся сила репрессий диктатуры — что и происходило в 1918–1921 гг. Никакой прин-

ципальной грани между Марксом и Лениным нет, есть общие принципы и маневрирование в тактике их воплощения Лениным.

И все же, после всех упреков марксизму (включая ленинизм и сталинизм), я должен выступить в поддержку синтеза разных социалистических и коммунистических течений. Дело в том, что марксизм внес в общий поток социалистической мысли огромный интеллектуальный вклад, связанный с методологией социального анализа, — его признавали и такие «марксоеды», как Бакунин и Чернов. За время своего развития марксизм также много брал у оппонентов, особенно у анархизма. Западный марксизм в настоящее время распался на социал-либерализм, который двинулся по пути синтеза с либерализмом и саморастворения в нем, и «нового левого» течения, которое представляет собой синтез марксистских и анархистских (то есть, отчасти народнических) идей.

Но еще более важным оказался синтез, осуществленный практикой.

«Общинная», самоуправленческая, советская революция началась не в Октябре, а в Феврале 1917 г., и как раз большевиками затем подавлялась — начиная от разгонов неудобных советов и ликвидации фабзавкомов в 1918 г., продолжая ликвидацией самостоятельности Советов и кончая подавлением Третьей революции в 1921 г. Если вы видите новый тип революции в ее самоуправленческом характере (хотя и на Западе такие революции встречаются), то большевики — контрреволюционеры, и Маркс вполне может быть ими доволен. Но побежденные альтернативы не исчезают бесследно. Не случайно наше общество стало называть себя советским, хотя советы превратились лишь в фасад коммунистического режима.

Марксистский проект оказался в наибольшей степени адекватен задачам индустриальной модернизации (еще бы — предлагалось строить общество-фабрику). Отечественная культура, напротив, оказалась более созвучной народнической традиции. В результате, советский проект и советская

культура оказались синтезом как марксистской, коммунистической линии максимальной централизации, так и народнической линии самоорганизации, коллективизма, неформальных горизонтальных, а не иерархических связей. Меньше всего советский проект был патриархальщиной, как его нередко изображает С.Г. Кара-Мурза. Нет, большинство советских людей послевоенного периода не были такими архаичными общинниками, как рисуют нам Р. Пайпс (ради уничтожения советского строя) и С. Кара-Мурза (почему-то с положительными коннотациями). Впрочем, как раз положительные примеры делают эту патриархальную схему Пайпса — Кара-Мурзы особенно неубедительной. Вот что меня особенно умилило: «Оберегать здоровье человека было *обязанностью* и государства как распорядителя национальным достоянием, и самого человека». Это когда? В 1930-е гг., когда народ мер тысячами от голода? Очень рачительно распорядились национальным достоянием. Да и в послевоенную эпоху советская медицина оставляла желать лучшего. Хотя, конечно, в это время она улучшалась — как раз в условиях стремительно распадающейся патриархальщины.

Индустриальная модернизация, да еще по-марксистски жесткая, ломала патриархальный уклад России даже излишне жестоко. А затем эту работу доделала урбанизация. И вот как раз культурное наследие России — включая социалистические ценности, вошедшие в культурный код благодаря народникам, революционерам-демократам, как их было принято называть в советской школе, — способствовало размягчению жесткого коммунистического каркаса; в значительной степени революционеры-демократы были провозвестниками «оттепели», разморозившей советский проект и его социалистические тенденции (неслучайно Твардовский размышлял: кто он — Некрасов или Чернышевский XX века?). В этом отношении советский проект стал синтезом марксистского коммунизма (как стратегии, а не достигнутой «фазы») и традиции отечественной культу-

ры (включая и позитивно воспринятое наследие социализма, «революционных демократов»).

Вот тут имеет смысл обратиться к докладу В.М. Межуева. Я очень ценю Вадима Михайловича как философа. Чем хорош философ? Он увидит несколько цитат или даже обломков цитат, и тут же создаст комплексную теорию, кстати говоря, очень хорошую, интересную и оригинальную. Поскольку теорию Межуева-старшего я слышу сегодня не в первый раз, читал и сам цитировал, то могу констатировать и даже поздравить Вадима Михайловича: это оригинальная теория. Ее привязка к Марксу довольно условная. Вы имеете на это право, так же как и советские ученые, создававшие свой марксизм, и даже Энгельс, которого Вы упрекнули за то, что он опубликовал второй и третий тома «Капитала», не согласовав тексты с Марксом. Но Ваше представление о коммунизме, на мой взгляд, ближе к либерализму и космополитизму, чем к марксизму и коммунизму. Когда-нибудь, в бесконечном будущем человечества, когда личность сможет быть совершенно свободной от обстоятельств, анархисты, коммунисты, социалисты и либералы будут различаться чуть заметными нюансами. Вы — человек этой далекой эпохи, очень далекий от проблем, которыми приходится заниматься в XX в. и XXI в. нам, многогрешным, привязанным к земле-матушке.

А на этой земле снова со всей остротой встает сформулированная марксистами альтернатива: социализм (посткапитализм) или варварство. Теперь, в условиях кризиса глобального капитализма, можно идти или вперед, к новым горизонтам, или назад — к повторению исторического круга, начатого Великой депрессией 1930-х гг.

Социализм актуален постольку, поскольку провален капитализм. Пока у капитализма получается, социализм может «отдохнуть», готовиться к будущим боям. Сегодня у капитализма не получается. Значит — время обращаться к теоретическому потенциалу социализма. Народники и анархисты разработали теорию постиндустриального общества про-

сто в деталях, предвосхитив Маркузе, Белла и Тоффлера. Народническо-прудоновская социалистическая мысль дает нам проект, наиболее адекватный задачам формирования сетевых и самоуправленческих отношений. Достижения марксизма полезны для рассмотрения глобального экономико-информационного контекста посткапиталистических перемен. Синтез между основными традициями социализма, на мой взгляд, по-прежнему может быть полезен для решения актуальных задач, вставших сегодня перед человечеством.

Чтобы понять, каким образом эти идеи применимы в нашей стране, необходимо учитывать опыт Перестройки как новой советской революции и первой попытки пост-индустриального перехода. Советский проект, развиваясь параллельно с западным, подошел к пост-индустриальному барьеру в середине 1980-х гг. Неудача Перестройки оказалась результатом как многих объективных обстоятельств (о которых говорится в моей книге «Парадоксы Перестройки»), так и, если хотите, самой сложности проблемы. Однако опыт поражения тоже может быть ценным, и опираясь на него, а также на методологические принципы реальной социалистической идеологии в ее многообразии (включая марксизм, но не ограничиваясь им), мы теперь можем понять, как такой пост-индустриальный переход может быть совершен и в мире, и в России.

Марксизм с человеческим лицом?

*В.Г. Буданов, доктор философских наук,
кандидат физико-математических наук*

Коммунизм, согласно К. Марксу, возникает как гробовщик буржуазии. Лозунги Великой французской революции конца XVIII в. — «Свобода — равенство — братство», возвращенные